

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

**США И ЕВРОПА
В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ**

М. И. Лапицкий

Россия — США: две страны, два мира

Россия — США: современное прочтение проблем

Подписание российско-американского соглашения о сокращении стратегических наступательных вооружений в апреле 2010 года не только увенчал значительный период интенсивных переговоров о «перезагрузке». Итог переговорного марафона — образец взаимоприемлемого компромисса и в военной, и в политической сфере. Каждая из сторон может с полным правом говорить о своем успехе, не противореча при этом аналогичным заявлениям партнера. Будем надеяться, что это подписание стало последним в истории договоров по модели «холодной» войны. Подписание соглашения между Россией и США в Праге — событие весьма знаменательное само по себе, но особую значимость ему придает и тот факт, что произошло оно в юбилейном для нашей страны году — 65 лет назад Советский Союз одержал великую победу в страшной войне «горячей», в которой обе страны были союзниками.

В отечественной историографии российско-американских отношений сравнительно недавно завершившегося столетия, в котором США и Россия (Советский Союз) играли особую роль пока еще в «двуполярном» мире, образовалась незаполненная ниша, выраженная в отсутствии крупных обобщающих трудов, выполненных с учетом современных подходов, методов, накопленных новых архивных источников и отвечающих запросам нового читателя и нового поколения исследователей. Сказалась, прежде всего, неустойчивость научных критериев и как следствие оценочных суждений вследствие болезни «двоемыслия», воскрешающей постулат из антиутопии Оруэлла: «Жизнь превращалась в расколотое существование: то одна правда, то другая... и постепенно у людей развилось чувство опасности от смешивания одной с другой и определенная способность переключаться туда и обратно».

Картина мира, которую представляет каждая из двух стран — Россия и США, в значительной мере предопределяет отношения между ними. «Сегодня уже нельзя изображать международную политику новейшего времени и как часть ее отношения между Россией и США вне цивилизационного контекста в масштабе всемирности с присущими ей переходами и поворотами, сменой поколений, их неоднозначного вклада в реальную «связанность или разъединенность» двух народов»¹. В нашей

¹ Мальков В. Л. Россия и США в XX веке. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009. С. 9.

литературе различным аспектам этой многогранной проблемы (особенности национального самосознания, культурные традиции, поведенческие стереотипы, модели и механизмы функционирования межкультурного общения и т. д.) уделяется все больше внимания¹. В начале XXI века возник даже новый метод исследования, характеризуемый его авторами (вернее, его родоначальником в отечественной историографии А. Эткиндо) как «новый историзм»: соединение интеллектуальной истории и «интертекстуального анализа в путешествиях сквозь тексты, жанры и эпохи»². И все же, несмотря на явные успехи в этом направлении, следует констатировать, что фактически пространство неисследованных тем сужается довольно медленно.

Две страны — Россия и США никогда не были в состоянии войны: учитывая прошлое человечества, факт уникальный в отношениях между двумя великими державами. История хранит в памяти немало моментов близости между двумя странами: поддержка самодержавной Россией американских сепаратистов во время Войны за независимость; продажа Америке значительной части российской территории в 1867 году; присутствие российского флота в знак поддержки Севера во время Гражданской войны в Америке; готовность вмешательства американских войск на стороне белых против большевиков в период Гражданской войны в Советской России; боевой союз в годы второй мировой войны, периоды сближения между двумя странами во второй половине XX века. Вместе с тем, взаимоотношения обеих стран на протяжении многих десятилетий характеризуются периодами не только сближений, но и отторжений.

Особому алгоритму в отношениях между двумя странами в век революций, мировых войн и ядерного противостояния посвящена недавно вышедшая в нашей стране солидная монография известного российского историка В. Л. Малькова «Россия и США в XX веке. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте», в которой автор выявляет целый ряд важных факторов, определивших внешнеполитическое поведение обеих стран в рамках их двусторонних

¹ См. *Иванян Э. А.* Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. М., 2007; *Эткиндо А.* Толкование путешествий. Россия и Америка в траvelогах и интертекстах. М., 2001; *Леонтович О. А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М., 2005. Павловская А. В. Россия и Америка. Проблемы общения культур: Россия глазами американцев 1850–1880 годы. М., 1998; Российско-американские отношения в прошлом и настоящем. Образы, мифы, реальность / под ред. Е. И. Пивовар. М., 2007; *Крашенинникова В.* Америка — Россия: холодная война культур. М., 2007, и др.

² См. *Эткиндо А.* Толкование путешествий, с. 417–471; «Новый историзм» в США возник несколько раньше — в 90-х годах XX в. См., например, *The New Historicism Reader.* Ed. A. Veenser. New York, 1994.

отношений и в мировых делах с конца XIX вплоть до конца XX века., причем весь этот широкий комплекс вопросов рассматривается в тесной связи с проблемами духовности, мироощущения американцев и русских как культурных общностей с присущими им сходством и различием. Работа раскрывает внутренние факторы социокультурного и историко-психологического характера, влияющих на формирование того, что принято называть константами поведения обеих стран на мировой арене, повлиявших на эволюцию их межгосударственных и дипломатических отношений. Хронологически монография охватывает период более чем вековой протяженности — с момента выхода Соединенных Штатов на мировую арену в качестве ведущей державы и параллельно утраты этого статуса Россией вследствие кризиса и краха самодержавия и вплоть до «постперестроечного» раунда в отношениях двух стран в условиях умножения глобальных рисков мирового развития на рубеже XX—XXI веков.

Работа в значительной степени написана на базе новейших исследований и документальных публикаций.

Речь в монографии, прежде всего, идет о социокультурном факторе, различиях в восприятии образов «чужого» конкурента, соперника, даже «врага» в национальном сознании и исторической памяти «низов» и «верхов» как в одной, так и другой стране. Каждый важный период пройденного пути более чем вековой протяженности, отмеченный в истории дипломатических отношений между Россией и Соединенными Штатами какой-либо новой гранью — от «дружественных» объятий времен Гражданской войны в США до совместных усилий по преодолению наследия «холодной» войны (далеко не всегда последовательных и успешных) — исследован В. Л. Мальковым в лучших традициях академизма с опорой на научные принципы

Основопологающим принципом для автора книги, как нам представляется, является признание непреходящего значения постоянства многих черт российской и американской истории. «Преломляясь в общественных настроениях и внешнеполитической деятельности верхов, — пишет В. Л. Мальков во введении, — эти константы приобретают форму сквозных линий, которые наряду с экономическим и геополитическим интересами управляют исторической преемственностью во внешнеполитической практике и дипломатии»¹.

Автор отдает себе отчет в чрезвычайной сложности исторической реконструкции общественных настроений в связи с внешнеполитической проблематикой, и конкретно, с таким ее специфическим сегментом, как отношения между Россией и США на протяжении жизни многих поколений. Есть опасность в оценке этого изменчивого явления (некоторые

¹ Мальков В. Л. Россия и США в XX веке. С. 10.

исследователи так и не смогли ее избежать) впасть в произвол, оказаться в плену политической конъюнктуры, пристрастной и избирательной по определению. Между тем, как показывает автор исследования, национальная мысль развивается не однолинейно, а по различным направлениям, расслаиваясь на подсистемы. В монографии отражены оттенки мировидения, самоосмысления, изменение состава морально-нравственных идей и критериев, усиление или ослабление религиозно-конфессионального влияния, вовлечение новых социальных слоев и этнических групп в процессе национальной духовной жизни. К тому же эти многочисленные течения дробятся, иной раз по признаку противоположности. Однако, как справедливо указывает автор, существует коллективная идентичность, чувство принадлежности к целому, которые имеют обыкновения проявлять себя в трудные, «поворотные» моменты истории¹.

Актуальность замысла, осуществленного автором монографии, заключается в том, что он отвечает потребности к преодолению зауженного взгляда на проблему, характерного для политизированного нарратива, в рамках которого преимущественно развивались исследования по истории российско(советско)-американских отношений в XX веке. В целом их значение ни в коем случае не может быть преуменьшено (автор опирается на достижения отечественной историографии, подчеркивая во многих случаях их приоритет в мировом историческом знании), однако сегодня достаточно остро ощущаются недостатки концентрации внимания на чисто событийной стороне проблемы, на ее лежащей на поверхности обычной последовательности смены фаз, этапов в деятельности государственных структур и ведомств, государственных деятелей. В исследовании В. Л. Малькова использованы возможности так называемого кросс-культурного анализа в сочетании с другими познавательными средствами различных смежных дисциплин (социальной психологией, конфликтологии, истории ментальности и др.), дающих ключ к пониманию сложных двусторонних отношений.

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляет первая глава монографии: «Переход к индустриализму: от «сердечного согласия» к конфронтационности», в которой поэтапно, шаг за шагом прослеживаются русско-американские отношения с конца XIX века до 1917 г. Автор приводит многочисленные факторы, влиявшие в то время на формирование образа США в общественном сознании России. В этой связи справедливо указывается на огромную роль дальневосточного фактора. Поскольку и до, и после окончания русско-японской войны центральной «болевым точкой» взаимоотношений России и США оказался «китайский вопрос»,

¹ Мальков В. Л. Россия и США в XX веке. С. 10–11; см. также: История ментальностей, историческая антропология /сост. Е. М. Михина. М., 1996.

и поскольку именно этот вопрос отразил меру противоречий, которые накопились между двумя странами в связи с их выходом на азиатский рынок и на тихоокеанское пространство, именно в этом регионе происходило столкновение геополитических интересов обеих стран. Обе стороны обвиняли друг друга в имперских амбициях. В Соединенных Штатах во многом именно в связи с этим клубком проблем формировались взгляды, ставшие впоследствии основой имперского мышления (Джон Фиск, Брукс Адамс, Альфред Мэхэн и др.)¹.

В начале XX века в России наблюдался заметный поворот в реакции на быстрое «выдвижение» Соединенных Штатов на мировое лидерство. Как подчеркивает автор монографии, главными проводниками нового, реалистического взгляда на происходящие перемены в мире, на ситуацию в отношениях двух стран в контексте региональных и международных отношений на длительную перспективу были российские дипломаты. «Общий вывод из их анализа был неутешителен, — подводит итог В. Л. Мальков, — российско-американские отношения имеют тенденцию к осложнениям и по причине неурегулированности правовой базы, и по причине специфической заинтересованности обеих стран в расширении своего присутствия в этом стратегически важном регионе»².

Автор прослеживает этапы борьбы советской дипломатии за прорыв блокады вокруг Советской России, за ее признание Соединенными Штатами, состоявшееся лишь в 1933 г. «Сложное и не лишённое византийских ухищрений маневрирование Ленина и Чичерина, — пишет В. Л. Мальков, — показало еще раз, что они оба вполне усвоили стиль успешного периода российской дипломатии после поражения в Крымской войне. Россия вновь «сосредоточивалась», не упуская возможности предпринимать акции, создающие впечатление возвращающей себе силу и уверенность страны»³.

Экспериментальный характер общественных преобразований, проводимых в директивном порядке в Советском Союзе сталинским руководством, и социальные реформы Рузвельта в рамках реформ «нового курса» ставили обе страны в положение конкурентов, соревнующихся за первенство в деле ускорения модернизации, перестройки социально-экономических и государственных институтов. «Сходство (может быть, весьма отдаленное) декларируемых целей — избавиться от пороков старого порядка и преодолеть зависимость маленького человека, рядовых граждан от слепой игры экономических сил — вызывало взаимный инте-

¹ См. подробно: *Мальков В. Л.* Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004. С. 15–69; *Баталов Э. Я.* Мировое развитие и мировой порядок: Анализ современных американских концепций. М., 2005.

² *Мальков В. Л.* Россия и США в XX веке. С. 100.

³ Там же. С. 168.

рес, желание лучше понять друг друга»¹. Установление дипломатических отношений между двумя странами привели и к усилению их разносторонних культурных связей². Немалую роль в сближении двух стран играл Рузвельт. «Нам надо считаться с фактом, что судьба наших отношений с США в известной степени связана с судьбой самого Рузвельта»³, — писал посол СССР в США А. А. Трояновский.

Остановимся на роли личности Франклина Рузвельта в начальный период Великой Отечественной войны, тем более, что для этого имеются два формальных, хотя и неравнозначных, но весьма значительных повода — в этом году исполнилось 65 лет со дня Великой Победы нашего народа над германским фашизмом; столько же лет прошло и со времени кончины американского президента.

Политика Франклина Рузвельта на фоне войны

Не следует забывать, что реальную политику осуществляют реальные люди. Курс Вашингтона в отношении Советского Союза в годы войны во многом определяла яркая, неординарная личность Франклина Рузвельта. Несомненно, этот курс американского президента (при всей его непоследовательности), направленный на сплочение антигитлеровской коалиции и предоставление помощи СССР, преследовал ярко выраженные политические цели; для подкрепления наиболее фундаментальных среди них, он использовал все доступные ему средства — военные, организационные, дипломатические, пропагандистские. Он был *практическим* политиком, а это означало, что он решал непосредственные задачи смело или осторожно, нередко на ощупь определяя правильность выбранного метода или средства. Прагматик и импровизатор, в калейдоскопе военного времени он, конечно, целиком ориентировался на интересы своей страны и Запада. И все же он умел увязывать решения военного времени с долговременной стратегией безопасности, причем в самом широком контексте. В этом смысле политика Соединенных Штатов, в частности, их курс в отношении Советского Союза в годы Великой Отечественной войны, яркое тому подтверждение.

Незначительный в целом для истории, период между июнем и декабрем 1941 г., занимает, тем не менее, особое место в жизни нашей страны. Представляет он и важную главу в истории советско-американских отношений. Хронологические рамки обозначенного выше периода

¹ Мальков В. Л. Россия и США в XX веке. С. 172.

² Иванян Э. А. Когда говорят музы. С. 201–244.

³ См. Мальков В. Л. Россия и США в XX веке. С. 176.

обусловлены двумя крупными событиями этого времени — началом Великой Отечественной войны и вступлением во вторую мировую войну Соединенных Штатов. Происходившие в этот период события изменили соотношение сил на мировой арене, а формирование антигитлеровской коалиции ускорило военное и политическое поражение Германии и ее союзников. В событиях военного времени заметное место принадлежит президенту США Франклину Рузвельту.

Нельзя сказать, что деятельность президента Ф. Рузвельта, в том числе в период второй мировой войны, получила должное освещение в нашей печати. О Рузвельте писали у нас немало — в разное время по-разному, но в целом, несомненно, с большей симпатией, чем о других американских президентах XX в.¹ И все же боязнь «перехвалить», строгая дозировка «положительного» и «отрицательного», думается, достаточно серьезно препятствовали тому, чтобы можно было составить действительно полное и целостное представление о великом президенте: писавшие о нем, отдавая должное этой исторической личности, одновременно как бы оправдывались в этом. По-видимому, отечественная литература еще не нашла того ракурса, который бы позволил выработать цельную трактовку американского реформатора. В этом отношении новая монография В. Л. Малькова составляет исключение.

Эпоха Рузвельта во многом стала поворотным пунктом в истории США, когда обнажились все основные противоречия, накопившиеся в ходе предшествующего развития страны, и были заложены предпосылки важнейших тенденций в экономике, политике и идеологии, характерные для современного развития американского общества. Рузвельт появился на политической арене в критический для Соединенных Штатов момент. Времени для выжидания не было, только немедленные, энергичные, решительные действия могли предотвратить перерастание панических настроений в социальный взрыв. Ему досталось тяжелое наследие «великого кризиса», не имевшего себе равных по продолжительности и силе. В 30-х годах в условиях обострения международной обстановки и обострения угрозы новой мировой войны Вашингтон продолжал проводить политику изоляционизма, дистанцирования от конфликтов в остальном мире, особенно в Европе. В 1935 г. конгресс США принял Закон о нейтралитете, запрещающий продажу американского оружия воюющим сторонам, не делая при этом различия между агрессором и ее жертвой.

С именем и делами Рузвельта связана в первую очередь его программа по трансформации американского капитализма. На старте своей ради-

¹ См., например, *Яковлев Н. Н.* Франклин Рузвельт — человек и политик. М., 1969; *Мальков В. Л.* Франклин Рузвельт: проблемы внешней политики и дипломатии. М., 1988.

кальной преобразовательной деятельности он произнес слова, ставшие крылатыми: «История человечества развивается по мистическим циклам. Одним поколениям многое дается, с других многое спрашивается, нынешнее поколение американцев встречается с судьбой»¹. Американские президенты любят произносить громкие, напыщенные фразы, но в данном случае мысль Рузвельта преисполнена глубоким смыслом.

«Главное что-то пытаться сделать», — повторял он. Решающим для него был результат. Быть непоследовательным для него означало куда меньшее зло, чем быть беспомощным. «Единственно, чего нам следует бояться, — говорил Рузвельт, — это страха — отчаянного, безрассудного, неоправданного ужаса, который парализует усилия, необходимые для превращения отступления в наступление»².

Действительно, многие шаги Рузвельта в период войны можно расценить как противоречивые, непоследовательные. По ходу военных действий он немало импровизировал. Впрочем, то же самое можно сказать и о политике Сталина и Черчилля — союзников Рузвельта по коалиции. «Никто из них не проявлял большой последовательности в тактике или не очень беспокоился об этом, — пишет о руководителях США, СССР и Великобритании известный американский историк Артур М. Шлезингер, — все они допускали определенную двусмысленность, чтобы сохранять за собой возможность решать большие проблемы; и теперь практически неясно, как толковать то или иное заявление, сказанное кем-либо из них в каком-либо конкретном случае. Так было частично потому, что, подобно всем властителям, они строили свои высказывания так, чтобы произвести определенный эффект на определенную аудиторию; частично потому, что совершенно неповторимая интеллектуальная сложность всех вопросов, которые вставали перед ними, делала степень колебаний и компромиссов вполне допустимой. Если историки даже теперь, оглядываясь назад, не могут разрешить эти проблемы, то кто они такие, чтобы обвинять Рузвельта, Сталина и Черчилля в том, что они не разрешили их в свое время?»³.

Франклин Рузвельт был великим президентом, выделяющимся среди других американских руководителей ясным и четким стратегическим мышлением. Он, возможно, как никто другой из американских президентов, мог воодушевить своими идеалами большую часть населения своей страны. Обладая завидной уверенностью в непогрешимости любого политического шага, какой бы он ни предпринимал, Рузвельт умело использовал президентскую власть для достижения поставленных целей.

¹ Цит. по *Согрин В.* Политическая история США. М., 2001. С. 218.

² Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша 1789–2001. М., 2001. С. 382.

³ *Шлезингер Артур.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 244–245.

Политический курс Рузвельта, говоря словами другого американского президента Л. Джонсона, являет пример деятельности «человека, способного решать страшные проблемы в страшное время». Война, несомненно, была таким временем, и, хотя театр военных действий был вдали от американских берегов, Соединенные Штаты явственно ощущали ее жаркое дыхание. Еще будучи губернатором штата Нью-Йорк, Рузвельт проявил себя искусным политиком. Возможно, глубже и острее, чем кто-либо другой в руководстве демократической партии в начале 30-х годов, осознавший необходимость перемен, он в то же время действовал осторожно, не делал громких заявлений, не раскрывал преждевременно своих карт, исподволь готовясь к будущему реформаторству. Эти черты его политики стали как бы «визитной карточкой» Рузвельта и в последующие годы, когда он стал во главе государства.

Рузвельта в качестве главнокомандующего определяла некая двойственность. С одной стороны, он, несомненно, был человеком твердых убеждений и принципов, был буквально «одержим идеалами и верой»¹, отличался превосходным стратегическим чутьем и часто удачно составлял планы на много лет вперед. С другой стороны, его действия определялись трезвым прагматизмом; он умело преследовал не только дальнесрочные цели, но и узкопрактические, сугубо тактические интересы, всегда был готов отстаивать свою власть и авторитет в постоянно меняющейся обстановке военного времени.

Характеризуя политику Рузвельта в эти годы, один из многочисленных его биографов Джеймс М. Бернс, не понаслышке знакомый с политической «кухней» США тех лет, подчеркивает характерную черту президента, особенно ярко проявлявшуюся в период войны: Рузвельт «не питал привязанности ни к кому — мужчине, женщине, стране, союзнику или принципу, — но лишь к какой-то цели, столь глубоко в нем скрытой и в то же время столь трансцендентной, что немногие могли распознать ее в сложное, бурное время»².

Когда он оказывался в трудном положении, что бывало нередко, прагматические соображения диктовали ему корректировку курса, и он охотно шел на нее, сознавая веление момента. Сподвижники Рузвельта отмечали его «огромную восприимчивость», которая была одновременно и сильной, и слабой его чертой. Слабой, потому что она иной раз подчеркивала его непоследовательность, ограниченность; и сильной, потому что делала его мобильным, гибким при выборе одного решения из множества возможных. Представляется, что суть таланта заключалась не столько в его способности решать сложные экономические, социальные и чисто

¹ Бернс Джеймс М. Франклин Рузвельт. Человек и политик. М., 2004. С. 7.

² Там же. С. 66.

военные проблемы, сколько в его обостренном чутье на политически осуществимые решения. Нельзя сказать, что он был во многих случаях инициатором перемен (ему повезло на помощников и советников — часто они выступали в этой роли), но можно с уверенностью сказать, что если не всегда то по крайней мере, почти всегда, был их «катализатором».

Рузвельт не был идеологом, но у него были свои «исходные посылки», которыми он неизменно руководствовался. Будучи человеком «здорового смысла», он не позволял идеологии стоять на его пути. И вместе с тем (без таких выражений как «вместе с тем», «однако», «тем не менее» и т. д. невозможно обойтись при характеристике политики Рузвельта, в том числе и в период войны) это впечатление иной раз бывало обманчивым. Воспринявший идеи своего дяди Теодора Рузвельта и другого бывшего президента США Вудро Вильсона, Франклин Рузвельт был подлинным американским либералом со всеми его характерными чертами. Он был абсолютно уверен в том, что «американизм (более подходящее слово, нежели либерализм) — настолько разумная, логичная и практичная вещь, что все общества приняли бы эти ценности и системы, если бы им только была предоставлена такая возможность»¹.

Война требовала усиления президентской власти. Значительно окрепла в эти годы «президентская пресса». Ведь именно в период второй мировой войны — в период третьего срока президентства Рузвельта, а не в более ранние годы, были заложены основы современного президентского правления в США. Что касается конгресса, то во время войны он проявлял невиданную прежде покладистость, и если осмеливался возражать президенту, то лишь по второстепенным вопросам.

Рузвельт создал свой личный банк информации, содержащий бесчисленные письма, памятные записки, донесения, откровенные сплетни, доставлявшиеся услужливыми подчиненными. Если обстоятельства и интересы требовали того, он уклонялся от соблюдения правил, обычаев, условностей. Он часто производил перестановку кадров, импровизировал по ходу событий, манипулировал, бывало и плутовал. Рузвельт пренебрегал ортодоксальными административными канонами, сознательно насаждал среди помощников соперничество, поручал одно дело нескольким сотрудникам, практиковал крайне широкий «спектр контроля», укрепляя таким образом свое непререкаемое положение арбитра и координирующего центра.

Будучи врагом администрирования, Рузвельт (еще одно противоречие в его деятельности) учредил множество планирующих органов, создал комитеты для формулирования предложений по более эффективному

¹ См. *Кимболл Уоррен*. Дипломатия кризиса: июнь—декабрь 1941 г. // Американский ежегодник 1988. М., 1988. С. 144.

президентскому управлению и контролю, добился возможности проводить постоянную административную реорганизацию по законам военного времени, проводил по своему усмотрению формирование военного ведомства и оборонной структуры и т. д.

Руководствуясь как внутренним чутьем, прекрасно развитой интуицией, так и наблюдательностью, Рузвельт сделал множество очень точных, возможно, единственно верных назначений, сыгравших во время войны весьма важную роль. Среди них, несомненно, Г. Гопкинс, а также У. Хассет и Г. Смит в административной службе президента; Г. Стимсон, Дж. Маршалл, Дж. Паттерсон — в военном ведомстве; Дж. Форрестол — во флоте, Э. Дэвис — в службе военной информации; Д. Эйзенхауэр, Ч. Ницц, Д. Макатур — на фронте.

Будучи в высшей степени трезвым политиком, он, конечно, не питал никаких иллюзий относительно Сталина и его диктаторского режима, тем не менее он отдавал должное смелым шагам советского руководства, высоко оценивал мужество советских солдат. Когда Фултон Урслер из газеты «Либерти» прислал Рузвельту черновик передовой статьи с откликом на нападение Германии на Советский Союз, озаглавленную «К черту коммунизм!», президент ответил: «Если бы я сидел за вашим письменным столом, то написал бы передовую статью, осуждающую в одинаковой степени как русскую, так и германскую форму диктатуры. Но в то же время я дал бы читателям ясно понять, что в настоящее время непосредственная угроза безопасности США исходит от гитлеровских армий»¹.

Конец «ледникового периода»

Как известно, летом 1941 г. все крупнейшие государства мира, за исключением США и Японии находились в состоянии войны. США не торопилась в нее вступать, надеясь отделаться минимальными издержками. В администрации и Конгрессе шли нешуточные баталии относительно форм участия страны в заокеанском конфликте. В мае 1941 г. ближайшие сотрудники президента заметили несвойственную ему подавленность. «Во время ужасающего кризиса, — пишет Р. Шервуд, — вызванного молниеносной войной на Западе, Дюнкерком и падением Франции, он оставался почти в одиночестве в своей администрации, даже когда принимал смелые, отчаянные решения. Теперь, год спустя, когда положение Великобритании снова было исключительно тяжелым, он был одинок. Однако теперь он был одинок в своем нежелании принимать решения и

¹ См. *Кимболл Уоррен*. Дипломатия кризиса: июнь—декабрь 1941 г. // Американский ежегодник 1988. М., 1988. С. 108.

действовать»¹. Вскоре, впрочем, Рузвельт вернулся к своему привычному состоянию.

Конечно, сразу после нападения Германии на Советский Союз в высших эшелонах власти США было немало лиц, советовавших Рузвельту «не вмешиваться в конфликт фашистов и коммунистов». Так, посол США в СССР Л. Штейнгардт за несколько дней до нападения Германии на Советский Союз писал в одном из своих донесений: «Наблюдения за психологией тех лиц, которые осуществляют руководство советской внешней политикой... убедили меня в том..., что с ними невозможно наладить отношения «международной доброй воли»... Уступки воспринимались ими... с явным подозрением как признак слабости»². Некоторые из таких советчиков полагали, что Соединенным Штатам не следует ввязываться в войну, ибо дни Советского Союза сочтены; кроме того, они полагали, что помощь США Стране Советов усилит коммунистов внутри самих Соединенных Штатах³.

Требовалась незаурядная политическая воля, чтобы преодолеть напор сторонников доктрины «баланса сил»⁴. С таких позиций выступали влиятельные политические деятели, такие, например, как бывший посол в СССР У. Буллит, сенаторы Р. Тафт, Б. Кларк, Б. Уилер, А. Ванденберг, члены палаты представителей М. Дайс, Р. Вуд, Г. Фиш и др. Доктрина эта, пожалуй, в наиболее резкой форме применительно к войне между Советским Союзом и Германией прозвучала в высказывании будущего президента США, в то время сенатора, Гарри Трумэна, который 23 июня 1941 г. достаточно цинично заявил: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах»⁵.

И все же, несмотря на достаточно дружный хор сторонников доктрины «баланса сил», звучавший задолго до начала Великой Отечественной войны, уже к середине июня Рузвельт и Черчилль договорились об ока-

¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс: глазами очевидца. М., 1958. Т. 1. С. 241.

² См. *Кимболл Уоррен*. Дипломатия кризиса. С. 131.

³ См., например, *Kennan G. Memoirs, 1925–1950*. Boston, 1967. С. 133–134.

⁴ Речь в данном случае идет о системе внешней политики, сводящейся к попыткам государства, занять положение арбитра между другими державами, обеспечив тем самым за собой позиции превосходства на международной арене при минимальной затрате собственных сил и средств. Такую политику балансирования на противоречиях других государств нередко сравнивают с поведением «смеющегося третьего», поскольку возвышение государства-«балансира» происходит за счет относительного или абсолютного ослабления других стран. Соединенные Штаты нередко в XX в. использовали доктрину «баланса сил». (См. подробно: *Теория и практика «баланса сил» в монографии «США: политическая мысль и история»*. М., 1976. С. 146–237).

⁵ См. «New York Times», June 24, 1941.

зании помощи Советскому Союзу в случае перехода Гитлером границы СССР, хотя Рузвельт и подчеркивал, что помощь Великобритании со стороны США будет пользоваться приоритетом. Размышляя о степени влияния на Рузвельта доктрины «баланса сил», а также концепции универсализма и сфер влияния, А. Шлезингер указывает на то, что и другие союзники США по антигитлеровской коалиции испытывали стойкое воздействие этих доктрин не в меньшей степени, чем Рузвельт. «Если Рузвельт мог считаться универсалистом с эпизодическими отклонениями в сторону политики сфер влияния, а Сталин был явным сторонником сфер влияния с эпизодическими жестами в сторону универсализма, то Черчилль, казалось, занимал срединную позицию между традиционным реализмом баланса сил...»¹, — пишет Шлезингер.

Рузвельт не раз повторял, что помогать русским следует, исходя из национальных интересов Америки и сугубо практических соображений. Идеологические взгляды каждой из сторон в известной степени влияли на то, как и СССР, и США определяли свои национальные интересы, но в их формулировании немаловажную роль играли также и сугубо практические оценки военной стратегии, состояния тыла и т. д. Что же касается более далекой перспективы советско-американских отношений, то при всем том, что Рузвельт нередко заглядывал в это пока еще отдаленное будущее, его, как трезвого политика, прежде всего, волновали вопросы конкретной борьбы советской армии с гитлеровской Германией, в частности, ее способность оказывать сопротивление немцам.

Логику Рузвельта понять нетрудно. Нацистская Германия представляла собой непосредственную угрозу для Соединенных Штатов, а потому следовало использовать любые возможности, ослабляющие военную мощь Германии и дающие возможность США время для осуществления планов экономической и военной мобилизации. Кроме того, что бы военные советники Рузвельта ни говорили ему о том, что любой токарный станок, любой истребитель Р-40 или зенитное орудие, обещанные русским, являются невозполнимой потерей для американской армии, потенциальные приобретения от помощи, с точки зрения президента, должны были со временем восполнить возможные потери для безопасности США².

Знакомство с документами свидетельствует, что тезис об альтруистических мотивах, стоявших за принятием решения США об оказании помощи Советскому Союзу, не выдерживает критики. Многие крупные

¹ Шлезингер Артур. Циклы американской истории. С. 251.

² Среди американских военных руководителей господствовало мнение, что американские поставки русским будут потрачены зря или даже попадут в руки немцев, ибо сопротивление русских будет продолжаться не более трех месяцев. (См. Уилсон Теодор. Во имя интересов Америки: предоставление Советскому Союзу помощи по ленд-лизу // Американский ежегодник. 1988. М., 1988. С. 148–149).

американские политические деятели того времени открыто высказывались в том смысле, что любые иные действия США лишь могут помочь Гитлеру в осуществлении попыток добиться «перемирия или мира на русском фронте». Для Рузвельта особо ценным было мнение наиболее доверенного его советника Гарри Гопкинса, который по его же собственным словам, был «глазами и ушами президента». Поездка Гопкинса в Москву 30–31 июля, ставшая поистине «поворотным пунктом» в советско-американских отношениях, привела его к твердому убеждению, что помощь России — дело весьма выгодное для США¹. Запись беседы Сталина и Гопкинса от 30 июля показала то особое значение, которое в Вашингтоне и Москве придавали совпадению взглядов по поводу положения в мире и той угрозы, которая исходила от германского фашизма для мировой цивилизации как явление антисоциальное и враждебное мировому сообществу².

Как полагают некоторые американские историки, первая реакция администрации Рузвельта на нападение Германии на Советский Союз отражала ее озабоченность перспективой угрозы Великобритании. В самом начале июля 1941 г. британский посол в США лорд Галифакс сообщал в Лондон после переговоров с Рузвельтом: «Время, которое мы смогли... выиграть, позволило президенту чувствовать себя более уверенно, нежели несколько недель назад»³. Советник Рузвельта Гарри Гопкинс, военный министр Генри Симсон и министр военно-морского флота Фрэнк Нокс рекомендовали Рузвельту воспользоваться тем, что Германия всецело занята русским фронтом, и усилить поддержку Великобритании⁴.

Тем не менее, уже через два дня после нападения Германии на Советский Союз Рузвельт подтвердил готовность «предоставить России всю ту помощь, какую мы сможем», а 26 июня исполняющий обязанности государственного секретаря США С. Уэллес заверил посла СССР в США К. А. Уманского в том, что «любая просьба о материальной помощи, с которой Советское правительство обратится к Соединенным Штатам, будет немедленно принята во внимание»⁵. Эти официальные заявления американской администрации вместе с заявлением У. Черчилля от 22 июня 1941 г. положили начало англо-советско-американскому сотрудничеству во время войны.

¹ См. *Рузвельт Элиот*. Его глазами. М., 2003.

² См. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. М., 1984. С. 80–82.

³ См. *Кимболл Уоррен*. Дипломатия кризиса. С. 130.

⁴ *Reynolds D.* The Creation of the Anglo-American Alliance, 1937–1941: A Study in Competitive Cooperation. Chapel Hill (N. C.), 1982. P. 206.

⁵ См. *Divine R.* The Reluctant Belligerent: American Entry into World War II. N. Y., 1965. P. 122.

Убедительным свидетельством того, что можно было бы назвать концом «ледникового» периода, должно было стать предоставление Советскому Союзу американской военной и экономической помощи. Как замечает американский историк Э. Беннет, «американцы и русские оказались связаны друг с другом в такой степени, какую за несколько лет до этого невозможно было себе представить»¹.

Для прояснения отношения Рузвельта к войне интерес представляет Атлантическая хартия, ставшая результатом конференции Англии и США на самом высоком уровне, состоявшейся в августе 1941 г. на борту корабля «Принц Уэльский» в бухте Арджентея на Ньюфаундленде. В хартии определялись англо-американские цели войны и принципы послевоенного устройства мира. Здесь говорилось о том, что США и Англия не стремятся к территориальным приобретениям, уважают право наций самим избирать себе форму правления. Несмотря на настойчивые просьбы Черчилля, Рузвельт высказался против немедленного вступления США в войну. Вместе с тем, лидеры обеих стран недвусмысленно высказались о своей готовности оказывать помощь Советскому Союзу поставкой необходимых ему материалов.

Исходя из необходимости сплочения сил антигитлеровской коалиции, СССР выразил «свое согласие с основными принципами декларации..., имея в виду, что практическое применение указанных выше принципов неизбежно должно будет соотноситься с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны»².

Конкретные действия

Однако, прежде, чем начать проводить на практике политику предоставления помощи Советскому Союзу, Рузвельту необходимо было доказать ее целесообразность своей администрации, далеко не все члены которой полагали, что следует действовать таким образом. Самым веским доказательством перспективности такой помощи стал германский провал плана «молниеносной войны» на Восточном фронте и первые, пока еще робкие, успехи советской армии. Анализ хода военных действий, а также информация, поступающая от британской разведки, убедительно доказывали, что Советский Союз вполне сможет продержаться до наступления зимы. Разведка докладывала и о весьма успешном переводе жизненно важных промышленных предприятий на Восток, подальше от линии фронта. Сле-

¹ *Bennet E. M. Franklin Roosevelt and the Search for Security: American-Soviet Relations, 1933–1939. Wilmington (Del.), 1985. P. 231.*

² «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». М., 1944. Т. 1. С. 146–147.

довательно, если русские будут продолжать сдерживать немцев и дальше, то, как политические, так и военные соображения потребуют от американцев, чтобы они в срочном порядке разработали программу предоставления России не символической, а вполне реальной помощи¹.

Объединенный совет сухопутных и военно-морских сил США в специальном меморандуме в сентябре 1941 г. заявил: «Поддержка сражающегося русского фронта до сих пор дает наиболее верную возможность добиться успеха в борьбе с Германией на суше... Сейчас еще преждевременно предсказывать исход битвы в России. Однако если советские войска будут отброшены даже за Уральские горы и если они будут продолжать там организованное сопротивление, всегда будет существовать надежда на окончательное и полное поражение Германии с помощью операций на суше. Надлежащее вооружение русских сил как путем снабжения их оружием извне, так и обеспечения производственных мощностей в бассейне реки Волги или к востоку от Уральских гор явится одной из наиболее важных мер, какие могут быть приняты союзными державами»².

В связи с вопросом о предоставлении помощи США Советскому Союзу на начальном этапе войны следует заметить, что эта помощь преследовала прежде всего политические цели. Ни Рузвельт, ни Гопкинс никогда не утверждали, что американская помощь может сыграть скольконибудь значительную роль в битве за Москву. Более того, они признавали, что лишь малая часть этой помощи сможет поступить русским до того, как решится исход этой кампании. Да и в последующие периоды войны Рузвельт рассматривал программу предоставления помощи России скорее как дело чести, нравственного долга, нежели как ценный вклад в усилия советского народа в борьбе против фашизма³.

Вскоре после решения о предоставлении помощи Советскому Союзу последовали и конкретные действия. Так, по настоянию Рузвельта стали приниматься меры по облегчению закупок, производимых СССР, был отменен Исполнительный приказ, «замораживающий советские активы»; Белый дом принял решение о том, что Закон о нейтралитете не может быть распространен на войну между Россией и Германией⁴. Началась

¹ *Gorodetsky G. Stafford Cripps' Mission to Moscow, 1940–1942. Cambridge, 1984. P. 34.*

² См. *Sherwood R. Roosevelt and Hopkins: An Intimate History. N. Y., 1950. P. 417.*

³ *Herring G. Aid to Russia, 1941–1946: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. N. Y., 1973. P. 286.*

⁴ Отмена распространения на СССР действия закона о нейтралитете означала, что суда, плавающие под американским флагом, могут заходить в советские порты. (См. *Herring G. Aid to Russia, 1941–1946: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. N. Y., 1973. P. 10.*)

немедленная погрузка на суда невоенных товаров стоимостью около 9 млн долларов для вывоза в Советский Союз.

Уже на начальном этапе войны в политике Рузвельта можно заметить характерный для него стиль. Японцы с древних времен говорят, что *стиль* — это и есть *содержание*, применительно к Рузвельту это утверждение кажется весьма мудрой максимой. То, что можно назвать стилем политики Рузвельта в отношении Советского Союза, то это отношение к нему как к *равному* партнеру. (Этот стиль был особенно замечен при сравнении отношения Черчилля к нашей стране). Размышляя о советско-американских связях в первый год Великой Отечественной войны, американский историк Теодор Уилсон замечает, что «помощь, предоставленная России Соединенными Штатами, была реализована... на основе не зависимости, а равенства»¹.

Во время поездки Гопкинса в Москву в конце июня была достигнута договоренность о созыве конференции СССР, США и Великобритании для вопроса о помощи со стороны западных стран. Результаты конференции, пожалуй, удовлетворили все заинтересованные стороны. 1 октября было подписано соглашение, в котором перечислялись «виды и объем поставок» из США и Великобритании в Советский Союз на предстоящие девять месяцев, — соглашение, известное впоследствии как Московский протокол. То, что предлагалось Соединенными Штатами, включало такие виды вооружений, которые сразу же можно было использовать на полях сражений: 100 бомбардировщиков и 300 истребителей ежемесячно, 152 зенитные 90 мм пушки, 5 тысяч бронированных автомобилей и 200 противотанковых орудий в месяц.

Кроме того, протокол обязывал США предоставить множество видов проката, сплавов, химикатов, обмундирования, обуви, продовольствия. Общая стоимость всех видов военных материалов и сырья равнялась 1,3 млрд. долларов². Протокол предусматривал и помощь со стороны Соединенных Штатов и Великобритании в транспортировке всех этих грузов на территорию СССР.

Логика требовала распространения на Советский Союз действия закона о ленд-лизе, однако на деле все было не так просто. Законопроект об ассигновании на ленд-лиз рассматривался конгрессом, где оппозиция решительно выступила против его предоставления Советскому Союзу. Была предложена поправка к закону о ленд-лизе, запрещающая предоставление помощи русским. Поправка не прошла. Опросы общественного мнения — важный барометр для Рузвельта — показали, что большинство американцев выступают за оказание помощи Советскому Союзу.

¹ Уилсон Теодор. Во имя интересов Америки: предоставление Советскому Союзу помощи по ленд-лизу. С. 162–163.

² См. там же. С. 158.

30 октября Рузвельт информировал Сталина о том, что он предложил предоставить помощь Советскому Союзу в рамках закона о ленд-лизе в размере 1 млрд. долларов. 7 ноября 1941 г. Временный поверенный в делах СССР в США А. А. Громыко вручил Рузвельту открытое послание Сталина, в котором содержалась благодарность президенту за «исключительно серьезную поддержку». Сталин выразил пожелание установить «личный, непосредственный контакт» с целью обсуждения вопросов, вызывающих взаимный интерес. Свидетельством значительного «потепления» отношений между двумя странами может служить послание Гопкинса к советскому народу в связи с 24-й годовщиной Октябрьской революции. «Сегодня празднование годовщины вашей революции, — говорилось в послании, — означает решимость мужественного народа отдать жизни и достояние для защиты Родины и вашего образа жизни. Вместе с вами в борьбе против нацизма участвуют народы различной расовой принадлежности, исповедующие различные религии и придерживающиеся различных политических систем. Но мы все едины в стремлении отразить жестокий удар агрессоров. Мы все едины в твердом намерении оказать всю возможную вам помощь. Мы все едины в признании нашего невосполнимого долга перед русским народом, ведущим с почти нечеловеческой стойкостью борьбу с врагом. Моим глубоким убеждением является то, что ваша борьба в защиту Родины войдет в историю эпической страницей человеческого мужества и бесстрашия»¹.

Известно, что после начала Великой Отечественной войны Рузвельт вынашивал несколько странную, но весьма благородную программу помощи нашей стране. Так, американский историк И. Гантер пишет о том, что президент к величайшему изумлению своих советников в конце 1941 г. огласил свой план действий: скупить всю шерсть в нейтральных странах. Далее слово историку: «Рузвельт рассуждал следующим образом: а) скорее всего, русским все же удастся удержать немцев, б) если это произойдет,

¹ Цит. по *Мальков В. Л.* Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. Историко-документальные очерки. М., 1988. С. 222.

Уже несколько позже, 11 июня 1942 г. было подписано Соглашение между правительствами СССР и США о принципах взаимопомощи в ведении войны против агрессии. Согласно этому документу, американское правительство обязалось продолжать снабжать Советский Союз «теми оборонными материалами, оборонным обслуживанием и оборонной информацией, которые Президент Соединенных Штатов решил передавать или предоставлять». До 30 сентября 1945 г. США предоставили Советскому Союзу военного и невоенного имущества всего на сумму (в ценах 1945 г.) 11,2 млрд. долл. Поставки в СССР по ленд-лизу продолжались, хотя и в урезанном масштабе, до окончания войны с Японией. Официальной датой прекращения действия программы помощи Советскому Союзу считается 20 сентября 1945 г. К этой дате были полностью прекращены все поставки. (См. *Иванян Э. А.* История США. М., 2004. С. 411.

зимняя кампания неизбежна, с) зима всегда трудна для тех, кто воюет против русских, d) немцам неизбежно потребуются много шерсти для зимней формы одежды, e) наша задача не дать им возможности получить шерсть»¹. Но этот план, к сожалению, не был осуществлен.

На 1 ноября из Соединенных Штатов в Советский Союз были отгружены материалы стоимостью 41 млн долларов, что составило менее трети объема поставок, обещанных американской стороной в соответствии с обязательствами по Московскому протоколу. Таким образом, сразу же возник разрыв между обязательствами и реальной картиной. Этот разрыв так никогда и не был преодолен, несмотря на усилия, предпринимаемые Белым домом, и особенно лично президентом Рузвельтом. Подсчеты, приводимые в различных источниках, далеко не всегда совпадают. По одному из них, в промежутке между 1 октября 1941 и 30 июня 1942 г. только 50% обещанных материалов было действительно доставлено в нашу страну². И все же если абстрагироваться от перебоев с поставками, вызванных нападением Японии на США и иными причинами, американская помощь России в течение первого года войны была лишь намеком на будущую более значительную помощь³.

В этой связи возникает естественный вопрос, почему Соединенные Штаты не выполнили все свои обязательства по Московскому протоколу? Исследователи по-разному отвечают на него. Нам представляется, что ответ на этот вопрос будет некорректен, если он не будет учитывать те трудности, с которыми Америка столкнулась при осуществлении полной промышленной и военной мобилизации, начавшейся осенью 1941. Когда нападение Японии на Перл-Харбор заставило США вступить в войну, американцы все еще представляли собой нацию, «занятую мирным трудом и делавшую все это с ленивой неторопливостью, присущей мирному времени»⁴. Следует в этой связи отметить известную административную неразбериху и бюрократическую нестыковку, нередко характерные для внутренней политики Рузвельта военного времени. Известно упорство

¹ *Gunter I. Roosevelt in Retrospect*. L., 1950. P. 125.

² См. *Уилсон Теодор*. Указ. соч. С. 159.

³ Американский историк Уоррен Кимболл в статье, посвященной американской дипломатии середины—конца 1941 г. пишет: «Отношение Сталина к будущей помощи было ясным. Во время обеда по завершении миссии Бивербрука-Гарримана он предложил тост «за американскую промышленность и сказал, что победу в войне определит промышленная продукция... Он заявил о том, что Соединенные Штаты, не участвуя в войне, оказывают больше помощи, нежели некоторые страны, являющиеся союзниками». (Уоррен Кимболл *Дипломатия кризиса*, с. 143). Нетрудно догадаться, что под «некоторыми странами» Сталин подразумевал Великобританию.

⁴ *Уилсон Теодор*. Во имя интересов Америки: предоставление Советскому Союзу помощи по ленд-лизу. С. 159.

президента назначить какую-либо одну из многочисленных организаций отвечать за все аспекты программы ленд-лиза. Так, Рузвельт предоставил Гарри Гопкинсу право утверждать все заявки и распределять фонды, тогда как военное, морское, а также министерства финансов и сельского хозяйства разделяли между собой функции приобретения сырья и продукции. Горы документов, относящихся к программе ленд-лиза, должны были проходить через лабиринт канцелярий, разбросанных по Вашингтону. Американский историк Дж. Херринг подсчитал, что в период, предшествовавший нападению японцев на Перл-Харбор, для оформления заказа требовалось в среднем не менее 90 дней¹.

Еще одной немаловажной причиной, препятствовавшей отправке и передаче поставок Советскому Союзу, явилась катастрофическая нехватка судов. Кроме того, что в США было сравнительно мало торговых судов, необходимых для доставки военных и продовольственных грузов, заказанных союзниками в Европе, в первые месяцы после Перл-Харбор возросли потери американцев в транспортных средствах. Готовые к транспортировке товары лежали в портах по несколько месяцев. Лишь в середине марта 1942 г. Рузвельт отдал распоряжение, чтобы материалы, включенные в Московский протокол, были «отправлены наискорейшим образом, вне зависимости от последствий, которые может оказать транспортировка этих материалов на любую из частей нашей военной программы»².

Внезапное вступление США в войну еще больше осложнило вопрос о предоставлении помощи Советскому Союзу. Достаточно отметить в этой связи, что самым непосредственным результатом Перл-Харбора стало полное прекращение кому бы то ни было отправки любых видов помощи. Потребовалось несколько месяцев, чтобы преодолеть тяжелые последствия нападения Японии и бюрократической волокиты. 1 января 1942 г. Рузвельт распорядился возобновить отправку военных материалов в Россию³.

Что же касается возможности высадки американских войск в Европе, то такая возможность рассматривалась Рузвельтом в конце 1941 г. Америка пока еще не была готова к участию в такой грандиозной кампании. Она еще не располагала ни необходимым снаряжением, ни людскими ресурсами, ни парком самолетов, необходимым для подготовки эффективной десантной операции. Мобилизация и подготовка большого количества солдат, моряков, летчиков, морских пехотинцев, необходимых для высадки в Европе, была задачей нелегкой и требующей значительного времени⁴.

¹ *Herring G. C. Aid to Russia? 194–1946. P. 34.*

² *Stettinius E. Lend-Lease: Weapon for Victory. N. Y., 1944. P. 205.*

³ *Ibid. P. 55.*

⁴ Международная конференция «К 60-летию высадки союзников в Нормандии» // Новая и новейшая история, № 5, 2004. С. 149.

Только к самому концу 1941 г. сложился основной механизм предоставления помощи Советскому Союзу. Ни США, ни Великобритания не хотели рисковать собственной безопасностью и интересами, для того чтобы помочь СССР. Но (и это «но» играло немаловажную роль) на протяжении последующих этапов войны Рузвельт полагал, что в интересах Соединенных Штатов следует предоставлять больше помощи. В отличие от Рузвельта, Черчилль, заботясь о защите иного комплекса интересов, постоянно стремился к ограничению такой помощи.

Следует заметить в этой связи, что, несмотря на то, что интеллектуальное и культурное восприятие Советского Союза американцами далеко не всегда в годы войны совпадало с англичанами, Великобритания оказывала значительное влияние на американскую внешнюю политику, в частности, на отношение США к СССР. Действительно, многое во внешней политике Вашингтона было непосредственной реакцией на хитросплетения политического курса Лондона. Поэтому, прослеживая шаг за шагом этапы взаимоотношений США и СССР в период войны, не следует сбрасывать со счетов и это немаловажное обстоятельство. Вместе с тем, было бы явным упрощением идеализировать отношения между США и Великобританией в эти годы. Ведь недаром один из историков войны — Дэвид Рейнолдс назвал англо-американские отношения «сотрудничеством соперников». Другой американский историк, на которого мы уже ссылались в данной статье, Уоррен Ф. Кимболл пишет по этому поводу так: «Вопрос о предоставлении помощи Советскому Союзу в 1941 г. при всех оттенках возникшей в связи с ним напряженности в англо-американских отношениях предвещал остроту противоречий, которые возникнут между Лондоном и Вашингтоном позже в связи с проблемами второго фронта»¹. Так или иначе, рассматривая взаимоотношения Советского Союза и Соединенных Штатов в период войны, следует учитывать их явную неоднозначность и противоречивость, связанных с рядом обстоятельств и часто не укладывающихся в рамки взаимоотношений лишь двух стран.

* * *

Появление контуров биполярного мира и вызов, брошенный Советским Союзом Западу в последние годы второй мировой войны и после ее окончания, поставили Рузвельта, а затем и Трумэна перед весьма серьезной альтернативой: сохранить ли тесные партнерские отношения с СССР (тем самым, добровольно соглашаясь с уравнением США с советской сверхдержавой) или, опираясь на экономическое и военное (атомное оружие) превосходство, постепенно отвоевать геополитическое пространство, оказавшееся под контролем Советского Союза, сдержать

¹ Кимболл Уоррен. Дипломатия кризиса: июнь—декабрь 1941 г. С. 142.

Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового света

его устремления к превращению в альтернативный центр силы и в конечном счете добиться либерализации советского режима и принятия им западных ценностей. На глобальный вызов коммунизма Америка ответила комбинацией контрмер, среди которых важнейшей стало завоевание «превосходства военной мощи». Прошло немного времени после войны и возникло явление, справедливо названное «новым рационализмом». Оно выросло, как писал известный американский исследователь холодной войны Джон Гэддис, «из здравого представления о том, что по мере того как оружие становится все *более* разрушительным, оно становится все *менее* востребованным»¹. Действительно, после окончания второй мировой войны в двусторонних советско-американских отношениях в области ядерных вооружений возобладал дух конкурентного противостояния пополам со здравомыслием, но устойчивый к соблазну действовать «на опережение».

---

¹ См. Мальков В. Л. Путь к имперству. С. 569.